

ческихъ!.. Что мнѣ жизнь теперь, когда въ ней все отравлено?.. Что смерть? Переходъ изъ одной комнаты въ другую, подобную ей. (Указывая на стаканъ). Какъ подумать, что эта ничтожная вещь побѣдитъ во мнѣ силу творческой жизни, что бѣлый порошокъ превратитъ въ пыль мое тѣло, уничтожитъ создание Бога?.. Но если Онъ точно всевѣдущъ, зачѣмъ не препятствуетъ ужасному преступленію, самоубійству? Зачѣмъ не удержалъ удары людей отъ моего сердца?.. Зачѣмъ хотѣлъ Онъ моего рожденія, зная про мою гибель?.. Гдѣ Его воля, когда по моему хотѣнію я могу умереть или жить?.. О, человекъ! несчастное, брошенное созданье... Онъ сотворенъ слабымъ; его доводитъ судьба до крайности... и сама его наказываетъ; животныя безсловесныя счастливые насъ: они не различаютъ ни добра, ни зла; они не имѣютъ вѣчности; они могутъ... О! если бѣ я могъ уничтожить себя! Но нѣтъ!.. Да! нѣтъ! Душа моя погибла. Я стою передъ Творцомъ моимъ. Сердце мое не трепещетъ... Я молился.. не было спасенія... и страдалъ... ничто не могло его тронуть!.. (Сыплетъ порошокъ въ стаканъ). О! я умру... О смерти моей вѣрно болѣе будутъ радоваться, нежели о рожденіи моемъ. Отецъ меня отвергнулъ, проклялъ мою душу и долженъ этого дожидаться. (Молчаніе небольшое). Природа подобна печи, откуда вылетаютъ искры; когда дерево сожжено, печь гаснетъ; такъ природа сокрушится, когда мѣра различныхъ мукъ человеческихъ исполнится. Все исчезнетъ. Печь производить искры, природа людей: однихъ — глупѣе, другихъ — умнѣе; одни много дѣлаютъ по уму въ мірѣ, другіе неизвѣстны; такъ искры не равны межъ собой, но всѣ онѣ равно погаснутъ безъ слѣда; имъ послѣдуютъ другія безъ большихъ послѣдствій, какъ подобныя имъ. Когда огонь истощится, то соберутъ весь пепелъ и выбросятъ вонъ... Такъ съ нами, бѣдными людьми: все равно страдалъ ли я, веселился ли — все умру\*). Не останется у меня никакого воспоминанія о прошедшемъ. — Безумцы! безумцы мы!.. желаемъ жить!.. Какъ будто два, три года что-нибудь значать въ безднѣ, поглотившей вѣка, какъ будто отечество или міръ стоитъ нашихъ заботъ, тщетныхъ какъ жизнь. Счастливъ умершій въ такое время, когда ему нечего забывать: онъ не знаетъ этихъ свинцовыхъ минутъ безвѣстности... Счастливъ, кто, чувствуя тягость бытія, имѣетъ довольно силы, чтобъ прервать его. — Прощай, мой отецъ: мы никогда не увидимся... Не отъ

тебя я умру... ты только помоги мнѣ образумиться!.. Ахъ!.. и она!.. эти прекрасныя, обманчивыя черты — потеряютъ свою привлекательность — кто бѣ повѣрилъ?.. Мнѣ ихъ жалко. О! скоро... скоро... Вы всѣ пройдете, какъ тѣни... (Беретъ стаканъ и пьетъ, тутъ вздрагиваетъ). За здоровье ваше!.. Меня утѣшаетъ мысль: всѣ люди погибнуть!.. Глухо было бы желать быть исключену изъ этого числа. Но... зачѣмъ холоду бѣжить по моимъ жиламъ, зачѣмъ я дрожу... еще не время... погоди!.. погоди, адское чудовище... еще — четверть часа, смерть — и я твой!.. (Садится въ кресла. Небольшое молчаніе).

#### Явленіе X.

Любовь и Элиза входятъ въ разговоръ. Юрій, видя ихъ, вскакиваетъ и отходить въ сторону. Въ комнатѣ темно.

Элиза: — Что тебѣ сказалъ Заруцкій, отчего его не было въ саду?.. Это что все значить?.. Твое безпокойство не къ добру, та сѣра; ты отъ меня бѣгаешь — и вѣрно чего-нибудь пщешь.

Любовь: — Не видала ли ты, гдѣ Юрій..

Элиза: — На что тебѣ его?..

Любовь: — Ахъ, сестрица! ты всему виновна. Они хотѣли стрѣляться!.. Заруцкій меня на колѣняхъ просилъ, чтобъ я тебя привела для свиданія: Юрій видѣлъ и принялъ совѣтъ иначе... О! я несчастная дѣвушка!.. Онъ меня оставилъ, онъ думаетъ, что я измѣнила ему... Онъ не хочетъ даже выслушать меня. — О! если бѣ онъ зналъ... Если бѣ онъ видѣлъ мои слезы!..

Юрій (въ сторону): — И я только теперь это слышу!.. безумецъ я!

Элиза: — Чего же ты теперь хочешь, та соеиз.

Любовь: — Дядюшка его проклятъ!.. Онъ въ отчаяніи... Вѣрно понапрасну! Богъ его за меня наказалъ. Я хочу его сыскать... Хочу утѣшить Юрія!.. Ахъ! сестрица, сестрица! если бѣ онъ видѣлъ мои слезы... но... онъ меня любитъ, въ немъ еще есть жалость... о, если бѣ онъ зналъ, что происходитъ въ моемъ сердцѣ. — (Юрій въ это время подходитъ и отходитъ въ нерѣшимости).

Любовь: — Я его утѣшу, пойду къ его отцу, на колѣняхъ выпрошу прощенье... или умру... Я боюсь... О! гдѣ бѣ мнѣ его найти!.. Одна моя любовь можетъ его утѣшить... Онъ всѣмъ такъ жестоко покинутъ!..

Юрій (въ отчаяніи): Злодѣй! самоубійца!..

Элиза: — Что это?..

Любовь (бросается): Юрій! Юрій! онъ здѣсь. (Юрій встаетъ). Какъ блѣденъ... Какой страдальческій взглядъ!

Юрій: — Ты меня любишь?.. А я всегда любилъ тебя!..

Любовь (рыдаетъ у него на шѣ): Люблю ли я тебя?.. Благодарю небо!.. наконецъ я сча-

\*) Начиная съ словъ: природа подобно печи, все сказанное взято изъ замѣтки Лермонтова, находящейся между стихами въ тетради 1830 года.